

Архивоведение и документоведение: история, теория, практика

УДК 930

DOI: 10.28995/2658-6541-2024-6-4-116-135

Запоминание, забывание и забвение документальной памяти

Владимир П. Козлов

*Архив РАН, Москва, Россия,
petrovich1949.kozlov@yandex.ru*

Аннотация. В статье автор продолжает анализ особенностей документальной исторической памяти как одного из типов исторической памяти. Рассматриваются три аспекта, связанные с ее формированием как произвольном и непроизвольном запоминании происходящего в процессе регулирования с помощью документа реальной действительности, забыванием и забвением документальной памяти.

Предпринимается попытка выявить факторы, воздействующие на полноту, точность и достоверность запоминания документом происходящего, связанные с психическими и социальными чертами его автора, а также иные мотивы, которыми он руководствуется при создании документа, независимо от принадлежности последнего к тому или иному классу документов. Тем самым объясняются вопросы, имеющие отношение к достоверности документальных свидетельств документальной исторической памяти.

Автор рассматривает трансформацию документа в документальный исторический источник и в этой связи пытается объяснить, как в процессе такой трансформации, с одной стороны, происходит окончательное забывание части документальной памяти вообще, а с другой – временное забывание документальной исторической памяти.

Особое внимание в статье занимает вопрос о забвении документальной исторической памяти как явлении, связанном с ее невосполнимой утратой под воздействием различных форс-мажорных обстоятельств и в случаях преднамеренной ликвидации. При этом автор впервые рассматривает трактовку забвения, сложившуюся в российской архивной практике, и решительный разрыв с этой практикой, осуществленный в законодательстве Екатерины II.

Ключевые слова: историческая память, документальная память, документальная историческая память, запоминание документальной памяти, забывание документальной памяти, забвение документальной памяти, вечное (бессрочное) хранение документа, трансформация документа, документальное свидетельство, документальное сообщение, произвольное запоминание действительности в документе, произвольное запоминание действительности в документе, Екатерина II

Статья поступила в редакцию 3 апреля 2024 г.;

принята к публикации 2 сентября 2024 г.

Для цитирования: Козлов В.П. Запоминание, забывание и забвение документальной памяти // История и архивы. 2024. Т. 6. № 4. С. 116–135. DOI: 10.28995/2658-6541-2024-6-4-116-135

Memorization, forgetting and oblivion of documentary memory

Vladimir P. Kozlov

*Archives of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia, petrovich1949.kozlov@yandex.ru*

Abstract. In the article, the author continues to analyze the features of documentary historical memory as one of the types of historical memory. The paper considers three aspects related to the historical memory formation (as an arbitrary and involuntary memorization of what is happening in the process of regulation with the help of a reality document), to forgetting and oblivion of documentary memory.

The article attempts to identify the determinants affecting the completeness and the reliability accuracy of the document's memorization of what is happening, connected with the mental and social characteristics of its author, as well as other motives that guide him when creating a document, regardless of whether the latter belongs to a particular class of records. Thus it explains the issues related to the reliability of documentary evidence of documentary historical memory.

The author considers the transformation of a document into a documentary historical source and in this regard tries to explain how, in the process of such transformation, on the one hand, there is a final forgetting of a part of documentary memory in general, and on the other – a temporary forgetting of documentary historical memory.

Special attention is paid in the article to the issue of forgetting documentary historical memory as a phenomenon associated with its irreparable loss

under the influence of various force majeure circumstances and in cases of deliberate liquidation. Meanwhile, the author scrutinizes, for the first time, the interpretation of oblivion that developed in Russian archival practice, and evaluates the decisive break with that practice – the break implemented through the legislation of Catherine II.

Keywords: historical memory, documentary memory, documentary historical memory, memorization of documentary memory, forgetting of documentary memory, oblivion of documentary memory, eternal (indefinite) storage of a document, document transformation, documentary evidence, documentary message, arbitrary memorization of reality in a document, involuntary memorization of reality in a document, Catherine II

The article was submitted for publication 03.04.2024;

accepted for publication 02. 09.2024.

For citation: Kozlov, V.P. (2024), “Memorization, forgetting and oblivion of documentary memory”, *History and Archives*, vol. 6, no. 4, pp. 116–135, DOI: 10.28995/2658-6541-2024-6-4-116-135

Введение

Думается, что разница в толкованиях понятий, вынесенных в название статьи очевидна читателю. По ходу наших дальнейших рассуждений мы поясним их историко-документологический смысл, имея в виду, что речь пойдет не об их физиологическом, а социальном понимании в отношении такого социального явления, как историческая память, запечатлеваемая документом, с одной стороны, и о памяти, которую содержит этот документ, становящийся документальным историческим источником, – с другой.

Запоминание документальной памяти

Известно, что для разных типов исторической памяти присущи свои способы запоминания и трансляции прошлого, меняющиеся в зависимости от политической конъюнктуры, появления новых представлений о мире и человеке. Исключением является документальная историческая память, особенности которой нами рассматривались не раз [Козлов 2017]¹.

¹ См. также: Козлов В.П. Архивоведение: Учебник и практикум для вузов. М., 2021; Он же. Источниковедение советской истории: Учебник для вузов. М., 2022.

Как нами показано ранее², документ, являясь интеллектуальным продуктом, переживает несколько фаз своего бытования. Первая из них – концептуальная – связана с проектированием документа как регулятора человеческой жизнедеятельности. Для понимания того, как формируется документальная память, представим первые две фазы трансформации документа в документальный исторический источник: мотивация создания и создание документа – его оперативное бытование, в результате которых и формируется документальная память.

Рассмотрим элементы этой схемы более подробно. Мотивация создания документа – это необходимость или потребность в его существовании, приводящие к возникновению документа. Необходимость связана с обязательностью наличия документа в системе других документов, связанных с регулированием человеческой жизнедеятельности. Наиболее простой пример такой мотивации – обязательная подготовка документов планового или отчетного характера. Потребность возникает как результат некой индивидуальной или коллективной реакции на процессы жизнедеятельности людей. Она реализуется, например, в официальной и частной переписке. Мотивация, таким образом, активизирует создание документа как инициативный или пассивный процесс.

В активном процессе создания документа формируются основные сообщения, имеющие, по мнению его автора, главное значение. При этом исходная информация либо обобщается, либо конкретизируется и детализируется, либо отсеивается, либо заменяется другой, либо иначе структурируется и даже интерпретируется. В пассивном процессе создания документа его основные сообщения либо закреплены нормативно, либо стандартны.

Как уже не раз отмечалось нами, в фазе оперативного бытования документа он, утрачивая свою неприкосновенность, приобретает новые структурированные сообщения. Они носят либо активный, либо пассивный характер и являются неотъемлемой составной частью основных сообщений документа.

Таким образом, в первых двух фазах и формируется документальная память документа. В самом общем виде она в своих документальных сообщениях фиксирует в разных сочетаниях все, что связано с целевой функцией документа, запоминая в нем, что делается, что надо делать, что не надо делать, что мешает достижению цели. Условно говоря, это есть не что иное, как *профанная*, т. е. мирская и сущностная, память, которая в определенных типах и видах документов дополняется *риторской* памятью – красноречивой, но малосодержательной. Однако такое деление документальной

² Козлов В.П. Архивоведение...

памяти не раскрывает ее нескольких важных особенностей, связанных с целями ее формирования. В этом смысле можно говорить о произвольной (непреднамеренной) и произвольной (преднамеренной) видах документальной памяти.

Непреднамеренная документальная память представляет собой запоминание происходящего без специальной цели такого запоминания. Она является следствием регулирования с помощью документа какой-либо сферы жизнедеятельности людей. Непреднамеренная документальная память запоминает реальный мир людей и природы и конкретный опыт их изменения, с одной стороны, и представления о них, существующие у автора документа, – с другой. Это своего рода «рабочая память» документа, отражающая ее практическую полезность, без которой невозможна реальная текущая деятельность. Она, например, характерна для директивного типа документов.

Преднамеренная документальная память возникает как специальное, целевое запоминание, по какой-то причине необходимое для регулирования человеческой жизнедеятельности. Она возникает, например, при создании с помощью современных технических средств документов репродуктивного типа – записей физических процессов, фиксации происходящего во времени и пространстве видеокамерами. Преднамеренная документальная память может выступать и как следствие духовных потребностей человека, например, ведущего личный дневник. При этом для такой памяти характерно как осмысленное, так и механическое, настроенное по какому-либо шаблону, запоминание. В первом случае преднамеренная документальная память формируется с учетом логических связей между ее частями, во втором – без учета таких связей, как последовательная во времени фиксация происходящего [Хорхордина 2024, с. 32].

В том и другом случаях на проектирование документа и его документальную память оказывают воздействие технологии, используемые автором при создании документа.

Последние включают: а) носители документа; б) способы кодирования структурированных сообщений текста; в) условия, в которых создается документ.

Как и документ, его материальный носитель является продуктом цивилизационного развития человечества. Он прошел путь от произведений природы до современных электронных носителей. Каждый новый носитель документа ускорял процесс документирования, приближал его к синхронному регулированию действительности, т. е. в соответствии с реальным временем, с одной стороны, а с другой – продвигал человеческое сообщество к обществу всеобщего документирования.

Способы кодирования текста информации документа также развивались динамично – от речевого алфавитного, к речевому звуковому, телеграфному, визуальному – фотокиновидеодокументированию. Они также убыстряли процесс документирования, расширяли его зоны, способствовали его синхронизации с происходящим, в том числе длительному по своему развитию.

Такое развитие носителей и способов кодировки документа имело неоднозначные последствия в запоминании им действительности. С одной стороны, аудиовизуальное документирование обеспечивало ее динамичное воспроизведение в реальном времени и в сферах, ранее недоступных для документирования, например природных катаклизмов, социальных катастроф и иных чрезвычайных событий. С другой стороны, синхронизация документирования с происходящим нередко лишала документирование ретроспективы и перспективы, характерных для речевых документов.

Последнее обстоятельство усиливалось воздействием на процесс документирования факторов, связанных с условиями создания документа. Они находились в пространстве от комфорта до чрезвычайщины. Наверное, последнее обстоятельство не способствовало лучшему запоминанию документом происходящего. Но, конечно, в создании документа решающая роль принадлежит его автору. В активном процессе создания документа роль его автора со способностью к группировке сообщений, их структурированию, систематизации, ассоциативному мышлению и умению формировать текст очень значима. В пассивном процессе роль автора сводится к умению использовать определенные профессиональные и бюрократические навыки, сложившиеся практики и традиции.

Когнитивные способности автора документа формально выражаются его грамотностью и образованностью, профессионализмом, информированностью, характером авторства, целеполаганием или функциональным назначением создаваемого документа, «интересом» автора, психотипом автора и его психологическим состоянием при создании документа и особенно (в противоположность информированности автора) избирательностью фиксации происходящего.

Рассмотрим более подробно каждую из этих когнитивных особенностей, воздействующих на создание документа в концептуальной или проектировочной фазе его бытования.

Грамотность и образованность автора документа обеспечивают точность выражения его мыслей при фиксации имеющейся у него информации и ее отображении с помощью текста в определенной последовательности, полноте и детализации. Грамотный и образованный человек способен как на образное изложение своих мыслей, использовать ассоциативное мышление, так и прибегать к аллег-

рии, использовать умолчания и намеки и, наоборот, ясно и однозначно формулировать определенные нормы, решения, требования, действия.

Профессионализм автора документа выражается в способности к выработке ракурса подачи информации в зависимости от стоящей перед ним или поставленной кем-то задачи. Он формирует выборочную фиксацию информации в соответствии с такой задачей, особенно очевидно проявляя себя при создании аудиовизуальных документов.

Информированность автора проявляет себя в двух плоскостях. Первая плоскость связана со знанием им той реальности, которой касается создаваемый документ. Формально это зависит от того, кем является автор – активным или пассивным участником событий, которым посвящен документ, их очевидцем или современником. При этом допускается, что активный участник событий способен более адекватно вторгаться в регулирование реальности с помощью документа. Вторая плоскость когнитивного признака информированности автора связана с наличием в его распоряжении документов (например, инициативных, требующих обязательной реакции, справочных и т. д.), которые могут быть использованы им при подготовке исходного документа. В этом случае автор испытывает определенное воздействие их информации на создание собственных структурированных сообщений либо такие сообщения создаются как необходимое реагирование на инициативные документы.

Характер авторства (индивидуальный, коллективный, «принудительный двойной», «неизбежный или обязательный двойной», неопределенный множественный) определяет степень и особенности компромиссов, необходимость в которых возникает в процессе регулирования действительности с помощью документов. Если индивидуальный автор в полной мере использует свои возможности такого регулирования и в их рамках конструирует документ по собственному усмотрению, то в случаях неопределенно множественного соавторства соавторы могут вносить в документ существенные коррективы, которые другие соавторы вынуждены принимать. Коллективное соавторство выступает и как соавторство большинства. Принудительное двойное и принудительное коллективное соавторство являются результатом психологического, физического и иного воздействия на часть авторов документа для достижения определенных целей. Неизбежный или обязательно двойной автор характерен, например, для определенных видов финансово-бухгалтерских документов.

Целеполагание документа, связанное с его функциональным предназначением, формирует и особое отношение автора документа к его созданию. Документы, чье функциональное предназначение

связано с их действенным, организующим характером, готовятся с особой тщательностью, проходят различные согласования и запоминают свое регулирующее воздействие в особых системах документов, взаимосвязанных друг с другом. Создаются и документы, информация которых стандартизирована и унифицирована. Они не требуют особых когнитивных усилий, носят массовый характер. Такие документы запоминают многократно повторяющиеся факты, события, требуют особых способов их обработки для выявления явлений и процессов действительности.

Создавая документ, его автор вольно или невольно испытывает пристрастие. Однако в документе оно имеет своеобразные черты. Тут пристрастие выступает не как внешнее свойство конструктивистского или научно-исследовательского типов исторической памяти, конструирующего или реконструирующего прошлое по своим принципам и методам, а как ее естественное внутреннее состояние. *Пристрастие документа органично, фиксируя современность так, как ее пристраивают люди в реальной жизни, создавая документ как ее регулятор.* Разумеется, это не значит, что пользователи документальной памяти должны воспринимать ее свойство пристрастности как данность. Научно-исследовательский тип исторической памяти и призван с помощью общепризнанных методов и приемов нейтрализовать это свойство документальной памяти. Иначе говоря, определение достоверности документального источника есть не что иное, как выявление причин наличия в нем «искажающего эффекта» документальных свидетельств.

При создании документа автор всегда имеет в виду некий важный для себя «интерес». В принципе можно говорить о трех группах «интересов», способствующих сознательному и целенаправленному искажению документальных сообщений документа или даже переработке всех либо части их в недостоверные, не заслуживающие доверия. Первая группа – политические интересы сил, которые представляет автор, вторая группа – корпоративные интересы, которыми руководствуется автор, и третья группа – разнообразные личные интересы автора документального источника.

Политические мотивы приводили как к замалчиванию, *принципиальному игнорированию запоминания в документах фактов, событий, явлений, процессов, имевших место в действительности, так и к их предвзятой целевой интерпретации, в том числе при создании конкретных структурированных сообщений.* Группа мотивов, связанных с различными корпоративными интересами, отражает стремление показать, как правило, успешный ход дел либо, наоборот, представить его действительные или мнимые недостатки. В советский период демонстрация в документах официального происхождения позитива почти всегда преобладала, поскольку негатив

мог обернуться бумерангом с печальными для авторов документов последствиями. Выявление такого негатива было задачей специальных контрольно-ревизионных органов. И наконец, имели место и мотивы чисто личных интересов авторов документов, например, как в случае с секретарем Рязанского обкома КПСС Ларионовым, связанные с его карьерными планами³.

Необходимо отметить, что *характер документальных сообщений документа зависит не просто от авторского «интереса», но и связан с особенностями описываемой им действительности*. В этом смысле, огрубляя, можно отметить, что такая действительность может выступать либо в виде документальных сообщений, содержащих определенные количественные показатели, т. е. свидетельств, которые можно подвергнуть количественному анализу, либо свидетельств, имеющих неопределенные характеристики или политико-идеологическую окраску. В первом случае запоминание в таких сообщениях точнее передает действительность и более проверяемо, чем во втором случае. Так, например, в отчетах (докладах, дневниках) агитаторов первых лет советской власти, направлявшихся на места государственными органами власти и структурами РКП(б), можно обнаружить количественные документальные свидетельства (число участников сельских сходов, вооруженных выступлений и т. д.), проверяемые с помощью логических приемов или по другим источникам, и показания, характер которых определялся исключительно представлениями авторов таких источников о самих фактах и явлениях действительности или их неопределенностью [Яров 2002, с. 439].

При создании документов личного происхождения, таких как дневники, мемуары и письма, можно заметить, что непроизвольно, а чаще всего намеренно их авторы обнаруживают свой «интерес», когда, например, стремятся преувеличить или преуменьшить свою роль в каком-либо событии, оправдать свои поступки либо восхвалить или изобличить личности и действия других людей. А понимание человека, его психологии, страстей и интересов дает основу для определения правдивости им написанного – будь то дневник или личное письмо.

Для документов личного происхождения чрезвычайно важным является «интерес» их авторов, связанный с пониманием ими будущего использования этих документов. Дневник и мемуары, написанные исключительно для себя или своих близких и потомков как психотерапия автора или как будущее вспомогательное средство для творческих работ, почти всегда оказываются более точными в запоминании действительности, нежели дневник или мемуары,

³ Козлов В.П. Источниковедение советской истории... С. 366–367.

изначально предполагаемые автором к изданию еще при его жизни или сразу после смерти. Вольно или невольно, но в последнем случае автор не может не заботиться о публичном восприятии своего сочинения, приспособлявая его под определенный канон. Даже искренний архивист Г.А. Князев, адресовавший свой дневник читателю далекого будущего, очень осторожен в оценках действий, например, руководства блокадного Ленинграда [Козлов 2010, с. 135–152].

Понятен «интерес» автора дневника как преимущественно похозяйственной записи – для него он имеет исключительно практическое значение, и поэтому в нем автору не с руки лукавить перед собой.

От собственно мемуаров документы инициативного документирования отличаются большей эмоциональностью, непосредственностью, а в оценках прошедшего большей связью с настоящим. Кроме того, в отличие от мемуаров, создание которых подчиняется схеме прошлое – настоящее – автор, в инициативном документировании к этой схеме добавляется актер в лице интервьюера. *Его воздействие особенно заметно при организованной форме устного документирования, которая не только организует рассказ опрашиваемого, но может содержать нужные актору подсказки респонденту в интерпретации событий.*

Инициативное документирование – это далеко не всегда простой диалог интервьюирующего и интервьюируемого. За ним скрываются особые интересы двух сторон. Понять эту часто камуфлируемую подоснову, где интервьюирующий, как правило, стремится или к тому, чтобы его респондент стал как можно более откровенен и точен, или, наоборот, сказал то, что хотелось услышать актору, а респондент вольно или невольно что-то пытается скрыть или оправдать и возвеличить свою роль в событиях прошлого, значит суметь определить полноту и точность запоминания в беседе и ее записи двух собеседников.

Внешние мотивации создания документов инициативного документирования также оказывали влияние на запоминание в них происходившего. Так или иначе, но их авторы оказывались под воздействием существовавших в тот или иной момент систем ценностей, официальных трактовок прошлого и оценок своих действий в этом прошлом. Они еще больше влияли на рассказ автора, когда тот знал, что он будет опубликован.

Непроизвольное и произвольное запоминание документом действительности при реализации заданной его автором функции является его выделяющимся свойством как интеллектуального продукта. Среди литературного наследия Иеронима Блаженного (IV в.) можно встретить замечательный образ запоминания как объективного физиологического свойства человеческой памяти:

«Братья, поймите, я обещал больше язычников не читать. А что поделать, если я их помню наизусть?!» «Помнить наизусть» присущее и документальной памяти.

Таким образом, запоминание документальной памяти мы можем определить как непроизвольное или произвольное запечатление и сохранение документом в процессе его создания и организации человеческой жизнедеятельности разнообразных свидетельств в форме могущих быть воспринятыми структурированных сообщений о его регулирующей роли. Рассмотренные выше факторы, влияющие на документальное запоминание, воздействуют на продуктивность документальной памяти – ее объем, полноту, точность, достоверность в первую очередь, которые определяются в ходе специального источниковедческого исследования. Документальная память формируется не как «чистое» аутентичное репродуктивное запоминание происходящего. Создание почти каждого документа представляет собой интеллектуальный процесс. В ходе его выделяется главное, обобщается второстепенное или детальное и, наоборот, конкретизируется и детализируется обобщенное и сжатое, одни сообщения заменяются другими нередко с их перемещениями и др.

Забывание документальной памяти

Забывание документальной памяти представляет собой явление, отличающееся от забывания в памяти физиологической. Если в последнем случае влияют прежде всего факторы психического порядка, то на забывание документальной памяти действуют прежде всего факторы социального характера.

Для того чтобы понять процесс забывания документальной памяти, нам придется вернуться к двум первым фазам бытования документа – его созданию и оперативному бытованию.

В фазе создания документ среди прочего приобретает определенную *форму своего бытования* – открытую, т. е. публичную, и закрытую, т. е. непубличную – доступную только определенным адресатам, устанавливаемую автором документа. Непубличная форма бытования документа есть не что иное, как ограничение доступности его информации, а значит, забывание и его документальной памяти. Такое забывание мы можем назвать временным, поскольку законодательство и автор-владелец-распорядитель документа устанавливают определенные сроки и нередко даже условия забывания и воспроизведения документальной памяти. Оно может быть полным или частичным, т. е. распространяться на всю или часть документальной памяти конкретного документа.

Одновременно в фазе создания устанавливается срок сохранения документа как носителя полезной и утрачивающей со временем свою полезность документальной памяти. В фазе оперативного бытования на *стадии экспертизы ценности* эта полезность определяется предметно как временное (в течение определенных сроков) и бессрочное (вечное) сохранение документа и его документальной памяти. Стадия экспертизы ценности пошагово подвергает забыванию большую часть документальной памяти, в результате чего в фазу покоя документов переходит лишь документальная память, отнесенная к бессрочному (вечному) сохранению. Документы, являющиеся ее носителями, обладают абсолютной ценностью. *Абсолютная ценность документа*, обрекающего его на вечное хранение, связана с его человеческим, социальным и культурным значением для будущего, определяемым исключительно информационными критериями полноты, повторяемости, уникальности информации, уникальности носителя документа. Определение абсолютной ценности документа – это своего рода «измерение» его информационного потенциала, оставшегося от его прошедшего оперативного бытования. Выделение документов с абсолютной ценностью означает, что их документальная память при регулировании действительности запомнила важные для будущего факты, события, явления и процессы этой действительности [Хорхордина 2024, с. 73–75].

Документальные свидетельства документов, обладающих свойством абсолютной ценности, составляют документальную историческую память. Документальная историческая память является частью документальной памяти и представляет собой искусственно сформированную в неопределенном объеме документов совокупность документальных сообщений, сохраняющих постоянную, бессрочную, вечную полезность и ценность для любого ее пользователя современных и будущих времен.

В фазе состояния покоя документа и документальной исторической памяти не всегда, но и нередко сохраняется их забывание в форме закрытого, непубличного бытования. Политическое обеспокоение такого забывания едва ли не впервые в российской архивной традиции было предложено Екатериной II. 15 января 1775 г., касаясь восстания Е.И. Пугачева и обозначив связанные с этим события «известным неустройством», она объявила «современное забвение» прежним названиям некоторых мест, в которых проходило восстание. Так, например, река Яик была переименована в Урал, Яицкий городок – в Уральск и др. 17 марта того же года в манифесте по поводу победы над Турцией среди разных «дарований» своим подданным императрица повелевала: «Производство следствий и взыскание вытей по вышеписанному случаю о произошедших разграблении и ополчении (уличении в преступлении. – В. К.)

не токмо в Оренбургской, Казанской и Нижегородской, но и во всех прочих губерниях, в которых с разграбленными и переходившими из рук в руки пожитками и вещьми люди оказываться могут, оные следствия и взыскания уничтожить и отставить, ибо дела такового рода выходят из того общественного порядка, для которого законы и их течение устроены; прекращение же таковых дел для народного спокойствия подлежит единственно самодержавной нашей власти, которою повелеваем ныне предать вышеупомянутые дела на вечное время забвению и глубокому молчанию»⁴.

Как видим, в манифесте Екатерины II речь шла не об уничтожении документов, связанных с восстанием Пугачева, а только о недопущении доступа к ним на вечные времена. Выражаясь современным языком, манифест Екатерины II положил начало практике осознанного засекречивания всех документов, связанных с восстанием Пугачева, т. е. документальной памяти об этом событии. Но это засекречивание понималось не только просто как временный запрет на доступ к таким документам, но и запрет на все времена, своего рода «проклятием памятью» пугачевского восстания. Иначе говоря, просвещенная императрица вольно или невольно, а скорее всего вполне осознанно признала историческую значимость документов о событии, потрясшем Россию, для будущих поколений историков. Конечно, указ конституировал существовавшую в России не одно столетие практику, но ее публичное оформление в манифесте стало выдающимся прорывом в формировании архивоведческого знания в России.

Екатерининская идея «проклятия памятью» впоследствии получила определенную трансформацию. Октябрьский указ императрицы 1780 г. об упразднении присутственных мест в связи с реформой губернского управления предписывал все документы упраздняемых учреждений, по которым не было челобитчиков, «отдать в архив к вечному забвению», т. е. все документы, утратившие практическое значение, объявлял или секретными или просто архивными⁵. В январе 1781 г. в указе об упразднении Вотчинной коллегии не востребованные «челобитенные дела» предписывалось передать в архив снова «к вечному забвению»⁶. В марте этого же года подобная формула была распространена на «наместнические дела»⁷.

Итак, формула *сдать в архив для вечного забвения* как формула ограничения доступа или вовсе его запрета для документов,

⁴ ПСЗ-1. Т. 20. № 14 275. С. 85–86.

⁵ Там же. № 15 074.

⁶ Там же. Т. 21. № 15 133.

⁷ Там же. Т. 22. № 16 307.

утративших практическое значение, в бюрократическом новоязе императорской России получил известное распространение. От первоначального политического смысла, который присутствовал в его применении и в указе царя Федора Ивановича об уничтожении местнических книг (об этом см. ниже), и в указе Екатерины II о пугачевских событиях, он трансформировался просто в охранительную идею доступности архивных документов.

При этом следует подчеркнуть, что и в екатерининские времена, и сегодня такое забывание никак не связано с тем, что большая часть документальной исторической памяти всегда находится в *свернутом, т. е. в невостребованном, состоянии* в ожидании своей актуализации в документальных публикациях, исторических исследованиях, других формах ее развертывания. Они преобразуют с разной степенью успеха документальную историческую память в историческое знание. Свернутость документальной исторической памяти – это нормальное ее состояние. Однако ее актуализация зависит не только от внешней востребованности, но и связана с обязательными операциями по ее упорядочению и созданию возможностей для ее поиска, обеспечивающих публичность, т. е. общедоступность и равнодоступность, документальной исторической памяти, а значит, и ее актуализацию.

Жизнь показывает, что имеют место и иные факторы, связанные с забыванием документальной исторической памяти. Одним из них является *секуляризация* документальной исторической памяти – перемещение ее физических носителей – документов за территориальные границы страны и их формальную передачу под юрисдикцию других государств или юридических лиц таких государств без возможности их возвращения либо возвращения в страну законного происхождения путем равноценного обмена или изготовления копий. Для России, так же как и большинства других стран, такая секуляризация оказалась связанной либо с войнами, либо с возникновением на территории Российской империи и СССР новых государств. Проблемность целевого поиска и использования таких секуляризованных частей документальной исторической памяти заключается в том, что, во-первых, они нередко бывают засекречены, во-вторых, являясь публичными, остаются без надлежащей научной обработки, в-третьих, зависят от норм доступности к архивным документам в той или иной стране. Например, приблизительно до середины 1950-х гг. в американском Гуверовском институте войны, революции и мира оставался на секретном хранении архив русской императорской заграничной разведки, переданный туда русским посланником во Франции В.А. Маклаковым. До сих пор остается недоступным архив русской эскадры в Бизерте, хранящийся в Морском музее Франции в Марселе. Огромное число архивных

документов официального и личного происхождения было вывезено из России первой волной русской эмиграции. Ныне эти архивы разбросаны по архивохранилищам государственных и негосударственных организаций многих стран мира, начиная от Австралии, Аргентины, Парагвая и кончая США и Голландией [Попов 1998].

Другой фактор можно назвать *сепаратизацией* документальной исторической памяти. Он связан с тем, что ее отдельные части, формально входящие в состав Архивного фонда РФ, фактически исключены из публичного оборота даже в их исторической составляющей. Поиск в них целевой архивной информации практически невозможен, он подменяется либо доверительным доступом к ней, либо ее избирательным, независимым от интересов пользователя предоставлением по усмотрению распорядителей документов.

Таким образом, мы можем говорить о нескольких способах забывания документальной памяти. Полное и вечное ее забывание связано с утилизацией ее носителей в процессе экспертизы ценности документов. Частичное и временное забывание документальной памяти возникает при засекречивании документов, их секуляризации, сепаратизации и отсутствии научно-справочного аппарата.

Забвение документальной памяти

В греческой мифологии души умерших пьют воду из реки Лета, которая заставляет забыть их жизнь на Земле. Такое забывание мифология связывает с полной утратой, стиранием памяти о ком-либо или о чем-либо, т. е. с забвением. В 1816 г. незадолго до смерти поэт Г.Р. Державин мифологическому потустороннему забвению противопоставил забвение вполне реальное, происходящее на Земле:

Река времен в своем стремленьи
Уносит все дела людей
И топит в пропасти забвенья
Народы, царства и царей.
А если что и остается
Чрез звуки лиры и трубы,
То вечности жерлом пожрется
И общей не уйдет судьбы⁸.

Философско-мифологическому образу забвения, представленному в художественной форме в греческой мифологии и твор-

⁸ Державин Г.Р. Стихотворения // Библиотека поэта. 2-е изд. Л., 1957. С. 360.

честве Державина, российская реальность противопоставила иное и более прагматическое понимание. Смысл его заключался в том, что забвение документальной памяти о чем-либо, в том числе исторической, – это не просто ее забывание, а ее стирание или вечное забывание.

Начало такому пониманию забвения в российской архивной традиции было положено в конце XVI в. Тогда указом царя Федора Ивановича все местнические дела подлежали «вечному забвению» через их физическое уничтожение огнем. В нем говорилось: «Для совершенного в тех случаях и мест искоренения и вечного забвения, те все прошедшие о случаях и местах записки, указал он, великий государь, предать огню»⁹. В XVIII в. согласно «Словарю» Российской академии забвение трактовалось как «запамятование, потеряние чего из памяти»¹⁰.

С 90-х годов прошлого века, когда Интернет стал вещью обычной, оформилось движение за т.н. «право на забвение», т. е. право людей ограничить доступ к информации о себе и даже на ее уничтожение. В результате возникла коллизия поиска разумного баланса между правом на забвение и свободой доступа к персональной информации. В настоящее время этот баланс в разных странах и даже в архивах таких стран носит разнообразный характер, например предлагая хронологическое ограничение доступа или замену фамилии человека его индексом, тем самым демонстрируя одну из труднорешаемых архивоведческих проблем. При этом общий подход, кажется, ни у кого не вызывает возражений и официально закреплен, например, в заявлении международной организации библиотечных работников (ИФЛА): «поддерживать доступ к информации для исследователей, которые нуждаются в идентифицирующей личность информации для биографических, генеалогических и других научных исследований и публикаций и защищать доступ перед руководством...» Однако та же ИФЛА, имея в виду прежде всего размещение персональных данных в Интернете, это общее положение справедливо предложило ограничить в случаях, когда такие данные «являются неверными, слишком личными, размещены нелегально или неправомерно», из-за чего «может несправедливо пострадать репутация или безопасность человека»¹¹. Это достаточно неопределенная рекомендация в реальности трудновыполнимая, но все же в определенных пределах дающая некоторые ориентиры.

⁹ ПСЗ-1. Т. 22. № 14275. С. 356.

¹⁰ Словарь Академии Российской. Ч. 3. СПб., 1789. С. 399.

¹¹ Право на забвение: заявление ИФЛА и предыстория вопроса // Библиотекосведение. 2016. Т. 65. № 3. С. 317.

В современном понимании архивоведческий смысл забвения документальной исторической памяти находит свое реальное выражение в нескольких формах.

Физическое забвение связано с действием непреодолимых факторов, вызывающих утрату носителей документальной памяти, включая историческую. Оно приводит к *фрагментации* документальной исторической памяти и в первую очередь связано с форс-мажорными обстоятельствами, в результате которых какая-то ее часть оказывается утраченной. Известны общие факторы и обстоятельства, воздействовавшие на сбережение архивных документов и способствовавшие фрагментации документальной исторической памяти¹².

Первый фактор связан с войнами и военными конфликтами, приводящими к сплошным или локальным утратам документов с абсолютной ценностью. Эти утраты в таких случаях по большому счету просто непредсказуемы и потому бывают ужасны по последствиям для сохранения документального наследия любой страны.

Второй фактор, влияющий на забвение документальной исторической памяти, связан с техногенными катастрофами, когда в местах сосредоточения больших массивов документов случаются пожары, отключается отопление, электропитание и т. д., нарушающие нормальный режим хранения. Техногенные катастрофы приводят к непредсказуемым локальным утратам документов. Они обладают как свойством внезапности, так и являются следствием накопления усталости в инфраструктуре архивов, которая в принципе является прогнозируемой. И современность, и давнее и недавнее прошлое, к сожалению, пусть без пугающей периодичности, но дают немало примеров документальных утрат по этой причине.

Не всегда, но не так и редко второй фактор взаимодействует с *фактором третьим*, связанным с экономическим кризисом в той или иной стране и приводящим подчас к сплошной или локальной и почти всегда непредсказуемой гибели документов. В условиях экономического кризиса, когда, как правило, обществу и государству бывает не до архивов, документы часто оказываются просто «бесхозными», а иногда, наоборот, становятся особым объектом пристального внимания, подвергаясь сознательному уничтожению по криминальным соображениям.

Четвертый фактор – политический кризис, почти всегда содержит угрозу целенаправленного уничтожения отдельных архивных документов или их комплексов. Так, сегодня известно, что в 1953–1956 гг., согласно данным первого председателя КГБ СССР Серова, были проведены чистки личных архивов Сталина и Берии, общего отдела ЦК КПСС, НКВД-МГБ СССР, Совмина СССР и Спец-

¹² Козлов В.П. Архивоведение... С. 171–183.

комитета по атомной бомбе. Какая-то часть их была уничтожена, другие документы претерпели различные перемещения и, вероятно, в настоящее время частично сохранились¹³. Не совсем ясное свидетельство Суханова¹⁴ о «решении», принятом в августе 1954 г. партийным руководством КПСС об уничтожении неких документов, подтверждает свидетельства Серова.

Пятый фактор – природные катаклизмы, приводящие к непредвиденным локальным утратам документов. Редко, но они случаются, нанося непоправимый ущерб документальному наследию даже развитых стран либо серьезно повреждая документы.

Шестой фактор – реально существующий рынок архивных документов, создающий угрозу локальных краж из архивов. Он прямо связан с *седьмым* – человеческим фактором – работником или пользователем архива, которые по разным, как правило меркантильным, причинам не могут устоять перед искушением краж архивных документов.

Форма манипуляционного забвения документальной исторической памяти мотивируется исключительно интересами государства и распространяется на ту часть документальной исторической памяти, которая зафиксировала однозначно негативные свидетельства о фактах, событиях, явлениях, процессах прошлого. Все это знать не обязательно и даже вредно, поскольку угрожает превратить историю в сплошной клубок ошибок, преступлений и мешает исключительно позитивному взгляду на прошлое, разрушает чувство патриотизма и препятствует воспитанию новых поколений людей на позитивных исторических примерах, утверждают сторонники этой альтернативы. Другими словами, несвобода документальной исторической памяти для государства и общества лучше, полезней, чем ее свобода, считают они. В лучшем случае отказ от забвения оправдывается сиюминутными политическим и идеологическими интересами переживаемого момента.

Заложенная Екатериной II форма забвения документальной исторической памяти как «проклятия памятью» в современных условиях официально и публично невозможна. Да и конкретная частичка исторической документальной памяти, на которую она распространялась, уже с конца первой половины XIX в., т. е. меньше, чем через столетия после ее провозглашения, начала раз-

¹³ Серов И. Записки из чемодана: Тайные дневники первого председателя КГБ, найденные через 25 лет после его смерти. М., 2016. С. 417, 418, 464, 465, 547.

¹⁴ Реабилитация: как это было: Документы Президиума ЦК КПСС и другие материалы: В 3 т. / сост. А.Н. Артизов, Ю.В. Сигачев, В.Г. Хлопов, И.Н. Шевчук. Т. 2. М.: МФД, 2002. С. 102, 801–803.

мываться и документы о восстании Пугачева стали относительно широко публиковаться.

И это было не случайно, ибо параллельно с манипуляционным забвением уже в XIX в. существовало твердое убеждение в том, что все тайное в документальной исторической памяти рано или поздно должно быть явным. Сторонники этой альтернативы полагают, что недопущение забвения, свобода документальной исторической памяти является одним из условий очищения общества и государства от негативного наследия прошлого, важным средством воспитания у людей понимания ошибок и преступлений, случившихся в прошлом, как возможности предотвращения их повторения в современной жизни. Несвобода документальной памяти, утверждают сторонники этой альтернативы, есть не что иное, как консервация, а то и один из способов реставрации негативного наследия прошлого, неизбежно заставляющих государство действовать по дискредитировавшим себя лекалам.

Применительно к решению проблемы забвения документальной исторической памяти эта альтернатива предлагает не уповать на время, которое в конце концов обеспечивает освобождение от забвения документальной памяти и трансформацию ее несвободы в ее свободу. В поздней императорской России не было более тайного документального комплекса, чем архивное собрание Департамента полиции. Этот статус он частично сохранял и в советские времена. Но все же спустя 80 лет этот комплекс обрел полную свободу, будто усмехаясь сегодня над теми, кто препятствовал его включению в публичную часть документальной исторической памяти.

Поэтому в нашей стране одновременно с революционной целесообразностью в решении вопросов доступа в 1990-х гг. к архивным документам складывалось понимание того, что торжество любой альтернативы в рамках субъективных и, как правило, политических решений не может быть приемлемо в демократическом обществе. Речь шла о публичном нормативном регулировании вопросов, обеспечивающих предотвращение забвения документальной исторической памяти. Оно и нашло свое выражение в первом в истории России законе об архивном деле.

Литература

- Козлов 2010 – *Козлов В.П.* Три «радиуса» архивиста Г.А. Князева: Размышления над дневниковыми записями директора Архива Академии наук СССР, 1941–1945 гг. // Вестник архивиста. 2010. № 1. С. 135–152; № 2. С. 198–213.
- Козлов 2017 – *Козлов В.П.* Документальная память в архивоведческом знании. М., 2017. 330 с.

- Козлов 2024 – *Козлов В.П.* Историческая документология. М., 2024. 478 с.
- Попов 1998 – *Попов А.В.* Русское Зарубежье и архивы: Документы Российской эмиграции в архивах Москвы: проблемы выявления, комплектования, описания, использования. М., 1998. 386 с.
- Хорхордина 2024 – *Хорхордина Т.И.* Архивы личного происхождения в России. М.: Весь Мир, 2024. 808 с.
- Яров 2002 – *Яров С.В.* Доклады агитаторов как источник для изучения политического протеста крестьян Северо-Запада Советской России в 1918–1919 гг. // Вспомогательные исторические дисциплины. Т. 28. СПб., 2002. С. 391–411.

References

- Khorkhordina, T.I. (2024), *Arkhivy lichnogo proiskhozhdeniya v Rossii* [Archives of personal provenance in Russia], Ves' mir, Moscow, Russia.
- Kozlov, V.P. (2010), "Three 'radiuses' of archivist G.A. Knyazev. Thoughts over the diary notes of the Head of the USSR Academy of Sciences Archives. 1941–1945", *Herald of an Archivist*, no. 1, pp. 135–152, no. 2, pp. 198–213.
- Kozlov, V.P. (2017), *Dokumental'naya pamyat' v arkhivovedcheskom znanii* [Document memory in archival knowledge], Moscow, Russia.
- Kozlov, V.P. (2024), *Istoricheskaya dokumentologiya* [Historical records management], Moscow, Russia.
- Popov, A.V. (1998), *Russkoe Zarubezh'e i arkhivy: Dokumenty Rossiiskoi emigratsii v arkhivakh Moskvy: problemy vyvavleniya, komplektovaniya, opisaniya, ispol'zovaniya* [The Russian Abroad and archives. Documents of the Russian emigration in the archives of Moscow. The issues of identification, arrangement, description, usage], Moscow, Russia.
- Yarov, S.V. (2002), "Propagandists' reports as a source for researching the political protests of the peasants of the Soviet Russia Northwest in 1918–1919", *Vspomogatel'nye istoricheskie distsipliny*, vol. 28, pp. 391–411.

Информация об авторе

Владимир П. Козлов, доктор исторических наук, Архив РАН, Москва, Россия; 117218, Россия, Москва, Новочеремушкинская ул., д. 34; petrovich1949.kozlov@yandex.ru
ORCID ID: 1949-0623-8888-3456

Information about the author

Vladimir P. Kozlov, Dr. of Sci. (History); Archives of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; 34, Novocheremushkinskaya St., Moscow, Russia, 117218; petrovich1949.kozlov@yandex.ru
ORCID ID: 1949-0623-8888-3456